

Шэнь Фаши опустил на него взгляд:

— Ты не знаешь?

Это был первый раз, когда они заговорили о прошлом. До сих пор они осторожно избегали этой темы — как два лезвия ножниц, боясь поранить друг друга при столкновении. Но теперь лезвия неожиданно сошлись — и оказалось, что ничего страшного не случилось.

Цзи Саньмэй долго молчал, но удовлетворительного ответа дать не смог:

— Не знаю.

Одно лезвие снова медленно отъехало, увеличив расстояние между ними.

Цзи Саньмэй не хотел отвечать Шэнь Фаши отказом — но ничего другого предложить не мог. Он и вправду не помнил, кто такой Вэй Тин.

Шэнь Фаши задумался, а через некоторое время произнёс:

— Второй сын семьи Вэй из Чжуинь, Вэй Тин. Неужели не знаком?

Брови Цзи Саньмэя поползли вверх.

Ранее Ли Хуань упоминала имя «Вэй Тин», но он не знал, какие именно иероглифы имелись в виду, и не был уверен в фамилии — «Вэй» или «Вэй». Однако, услышав о семье Вэй из Чжуинь, Цзи Саньмэй всё понял.

В городе Чжуинь он знал почти всех молодых людей своего возраста из знатных семей. Со многими он был хотя бы шапочным знаком. Шэнь Фаши был исключением — как, впрочем, и Вэй Юань из семьи Вэй.

Семья Вэй не могла сравниться с такими могущественными домами, как Шэнь, Чжоу или Сунь. Их история взлёта чем-то напоминала историю семьи Цзи. Отец Вэй Юаня, Вэй Цюнь, был в Чжуинь известным гулякой — предавался разврату, азартным играм и пьянству, растеряв всё, что оставили предки. Мать его была женщиной слабохарактерной — как повилица, цеплялась за мужа и во всём ему потакала.

С таким отцом и такой матерью семья Вэй дошла до нищеты. Как и братья Цзи, они едва сводили концы с концами.

Если бы не Вэй Юань, который в битве за Лунган первым ворвался в ряды врага и отрубил голову бессмертному генералу Хуан Хуану, совершив великий подвиг, — род Вэй, вероятно, давно бы канул в небытие.

Семьи Цзи и Вэй жили по соседству, разделённые лишь толстой кирпичной стеной. Но Вэй Юань почему-то терпеть не мог Цзи Саньмэя — при каждой встрече отпускал язвительные замечания. Цзи Саньмэй тоже не лыком был шит и парировал так, что доводил собеседника до белого каления. Их перепалки были частыми и жаркими, но, к счастью, Вэй Юань свято чтит принцип «джентльмены спорят словами, а не кулаками». Так что Цзи Саньмэй мог дразнить его совершенно безнаказанно.

Но Цзи Саньмэй помнил лишь Вэй Юаня. Отец Вэй Юаня скончался от апоплексического удара в публичном доме, когда тому было четырнадцать. Мать, убитая горем, несколько раз

пыталась наложить на себя руки — и в конце концов подорвала здоровье. Запах горьких лекарств постоянно витал в доме Цзи.

Откуда же взялся второй сын?

Живя бок о бок, за одной стеной, Цзи Саньмэй отлично знал, сколько ртов и хвостов в семье Вэй. И человека по имени Вэй Тин он точно не припоминал.

Он развязно обвил руками шею Шэнь Фаши:

— Учитель хочет, чтобы я знал других людей?

Шэнь Фаши смотрел, как малыш бесцеремонно к нему прижимается, и не останавливал его. Лишь слегка нахмурившись — этим подчёркнуто-строгим выражением он, казалось, даже поощрял его наглость.

— Сколько у тебя будет друзей — не моя забота, — сказал Шэнь Фаши.

Цзи Саньмэй поднёс к губам курительную трубку, выдохнул последнюю струйку дыма и, изящно выгнув поясницу, провёл округлой линией бёдер по мускулистому предплечью Шэнь Фаши. Губы его почти коснулись его уха, когда он выпустил дым тонкой извивающейся змейкой.

Слова его растворились в сизых клубках — словно он хотел вписать их вместе с дымом в сознание Шэнь Фаши, выгравировать там навеки:

— ...А я хочу, чтобы на свете остались только мы с учителем. Чтобы учителю негде было найти третьего — и пришлось бы остаться со мной.

Услышав столь откровенную речь, Шэнь Фаши едва не уронил миску с лотосом. Лицо его слегка порозовело, но выражение осталось невозмутимым — не понять было, досада это или смущение.

...Что ж, его Шэнь-сюн всегда был таким — стыдливым. Цзи Саньмэй был уверен: стоит ему сказать ещё слово — и тот взорвётся.

Так что он решил отступить, отпустил шею Шэнь Фаши, устроился поудобнее на его мускулистой руке и принялся есть лотос, зерно за зерном.

Горькие сердцевинки он аккуратно сложил на дно чаши — позже можно будет заварить из них чай.

Цзи Саньмэй, как обычно, ограничился курением вместо ужина и на этом трапезу завершил.

Сегодняшняя словесная дуэль с Ли Хуань изрядно его утомила, и он быстро заснул на циновке, свернувшись калачиком.

После сегодняшнего дня многие, казалось бы, запутанные вещи стали для Цзи Саньмэя яснее.

В последние дни он, прикинувшись послушным ребёнком, сумел разговорить кормилицу младшего сына Сюй Тая. Старый управляющий Чжу, служивший Сюй Таю с давних пор, выглядел добродушным, но рот его был накрепко заперт: на все вопросы он отнекивался старостью и плохой памятью. А вот кормилица была родом из города Ичжоу, одинокой женщиной средних лет — без родителей, потерявшей мужа и сына. Даже если дом Сюй Тая и

привлѣк внимание нечисти, ей некуда было идти. Оставалось лишь цепляться за семью Сюй и надеяться на лучшее.

Уста одиноких женщин часто развязываются от тоски. Им необходимо вновь и вновь перебирать тяготы своей жизни, проговаривать их, выплакивать — чтобы набраться хоть немного мужества, чтобы пустоту в сердце хоть ненадолго заполнили чужие, пусть и бесполезные, утешения.

Из рассказов кормилицы, отсеяв возможные преувеличения, Цзи Саньмэй многое понял.

Континент Юньян, долгое время мирно соседствовавший с Чжуинь, на самом деле уже давно был гнилым яблоком — снаружи румяным, а внутри кишачим сотнями грязных, жирных червей.

Причину, по которой эти черви расплодились, Цзи Саньмэй мог отчасти найти в обрывках своих воспоминаний.

На самом деле, их яйца были отложены ещё за сотню лет до его рождения.

Люди, вставшие на путь культивации, стремились к «недеянию», мечтая вознестись над бранным миром и парить в небесах. Но с некоторого времени — примерно ста лет назад — число тех, кто действительно достиг бессмертия, стало стремительно сокращаться. Многие застыли на этапе золотого ядра, не в силах сдвинуться с места до самой смерти. Сформировать младенца-духа удавалось единицам. А те, кто достиг этапа преобразования духа, за последнее столетие исчислялись по пальцам одной руки — и среди них был лишь один Шэнь Дунчжо, отец Шэнь Фаши.

В то же время демоны и духи стали прогрессировать куда быстрее праведных заклинателей.

В одночасье нечисть расплодилась и обнаглела. Заклинатели, положившие полжизни на тренировки, не могли противостоять злым духам, обретшим человеческий облик всего три года назад. Часть заклинателей впала в отчаяние, другая же — что вполне логично — начала искать обходные пути.

Так появились так называемые «демонические пути».

Эти «демонические пути» годами отравляли Юньян, незаметно проникая в самое сердце его учения.

Те, кто проповедовал дао, были демоническими путями. Те, кто изготавливал эликсиры и оружие, были демоническими путями. Те, кто изгонял демонов и призраков, тоже были демоническими путями. Демонические пути, прикрываясь личиной благочестия, с одной стороны, уничтожали нечисть, а с другой — сеяли яд стремления к быстрым результатам.

Когда скорость роста увеличивается, неминуемо хочется большего. Иначе зачем вообще культивировать?

Чжуинь, в отличие от Юньяна, не терпел демонических путей. Эта земля не была питательной средой для еретиков. Но, чтобы предотвратить их распространение и окончательно искоренить, Чжуинь — тогда ещё вдвое меньше нынешнего — объявил, что намерен объединить разрозненные мелкие государства, где практиковали культивацию, дабы вместе противостоять угрозе.

Под этим благородным лозунгом скрывались вполне конкретные амбиции — и звучал он настолько величественно и неоспоримо.

Если ты не присоединишься к Чжуинь — значит, у тебя дурные намерения. И у Чжуиня появляется право тебя усмирить, расширив при этом свои владения.

Так Биньци семьи Цзи был поглощён этим чудовищем.

А Цзи Саньмэй, трезво оценив ситуацию, помог Чжуинь поглотить и Лунган — город, который когда-то мог соперничать с ним в силе.

Девять лет назад Юньян не выдержал.

Огромный червь медленно прогрыз истончившуюся кожицу яблока и высунул наружу свои острые, мерзкие челюсти.

Линтин, соединяющий Юньян и Чжуинь, стал яблоком раздора — и спор за него длился почти год.

<http://bllate.org/book/16281/1466235>